

Отзыв на диссертацию Марии Геннатуловны Тагабилевой на соискание ученой степени кандидата филологических наук

«Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках)»

Рецензируемая диссертация посвящена анализу распределения синонимичных уменьшительных суффиксов (или диминутивных; исследовательница везде использует заимствованный термин, вероятно, поскольку в русском тексте он не столь четко предполагает определенную семантику). Языки, в которых исследуется явление – южнославянские: словенский, сербохорватский (отдельно в ряде случаев рассматриваются сербский и хорватский, литературные нормы которых в интересующем нас отношении заметно различаются, причем существуют объемные текстовые корпуса, на которых это можно исследовать), болгарский и македонский. Анализируются суффиксы, присоединяющиеся к существительным женского рода и не меняющие род производящей основы: в основном это *-*ic-*, *-*k-* и их комбинации, получающие синхронно статус особых морфем.

М. Г. Тагабилева выявляет морфонологические правила, способствующие распределению указанных суффиксов между различными основами в каждом из языков, а также в праславянском языке по материалам ЭССЯ (впрочем, по отношению к достоверности реконструкций этого словаря, по крайней мере, на словообразовательном уровне, диссертантка проявляет уже не раз высказывавшийся специалистами скепсис). Убедительно доказывается, что выбор диминутивного суффикса диктуется не семантикой, а прежде всего формальным устройством основы – ее исходом, консонантным расподоблением основы и диминутивного суффикса, наличием ряда других конкретных суффиксов уже в составе основы. Установлена иерархия правил и порядок их применения. Некоторые наблюдения для ряда южнославянских языков уже делались раньше, но диссертантка проверяет и уточняет ранее сформулированные правила при помощи корпусных, в том числе статистических методов.

В особой объемной главе анализируется конкуренция (квази)синонимичных диминутивных суффиксов при одинаковых основах на материале только одного языка – болгарского, для которого доступен большой корпус современных текстов. (Кроме того, важным параметром вариативности в ряде случаев является наличие или отсутствие палатализации основы перед суффиксом: *трохичка / трошичка*, *мухичка / мушичка*). Делается ряд обобщающих выводов как по суффиксам в целом, так и по конкретным основам, для многих из которых характерна сильная идиоматизация при сочетаемости с одним суффиксом и более или менее конвенциональная уменьшительность при сочетании с другим.

Рецензируемая работа, несомненно, представляет собой очень ценный вклад в науку, причем выходящий за пределы той, казалось бы, узкой области, которой она посвящена. Читатель обнаружит в ней гораздо больше, чем просто алгоритмическое

дескриптивистское, во вкусе Блумфилда и его школы, изложение формальной сочетаемости одной узкой подгруппы аффиксов в одной подгруппе языков (хотя уже одно это представляло бы собой вполне солидный верифицируемый научный результат).

Во-первых, диссертация М. Г. Тагабилевой ценна методологически. В ней представлен впечатляющий инструментарий выявления материала, релевантного для целей исследования, выгодно отличающий ее от предшествующих славистических работ в данной области. Диминутивы достаточно редки в словарях и часто считаются образующимися автоматически (или же, напротив, у некоторых лексикографов «далевского» типа приводятся в избыточном количестве без различия между реально частотным и маргинальным, стандартным и окказиональным, литературным и диалектным и т. д.). Между тем, как составление точных списков, так и различие между продуктивными и непродуктивными моделями принципиально важно для подобного исследования. М. Г. Тагабилева систематически использует репрезентативные корпуса славянских языков для установления частотности описываемых лексем и словообразовательных типов. Примеры из корпуса тщательно просмотрены вручную, отсеяны нерелевантные омонимы, лексикализованные единицы, имена собственные и т. д. Корпусные данные серьезно анализируются статистически; устанавливается при помощи достаточно сложных статистических критериев (а не просто расхожих критерия Фишера или хи-квадрат) значимость и неслучайность выбора тех или иных суффиксов, в то время как традиционно эта область была уделом оценки «на глаз». Эта методология и ее грамотное и эффективное применение представляет собой принципиальную новизну исследования. Весь статистически обследованный материал по каждому языку полностью приведен в работе (в том числе в объемном приложении) и представлен также и в удобном для восприятия графическом виде. Наглядность «деревьев условного вывода» демонстрирует как сходства, так и различия между близкородственными языками. Для ряда языков материалы словарей и исследований дополнительно проверялись с информантами-носителями языков.

Во-вторых, на страницах работы описываются явления, выходящие за рамки частной истории хорватских или македонских морфем и имеющие большую теоретическую и типологическую важность в рамках общей морфологии и грамматической семантики. Сюда относится, например, феномен «вымывания» исходного значения при сохранении производных, стр. 106 (на материале грамматических значений похожая картина описана как «граммема-бублик» с утраченной «сердцевинкой» Эстеном Далем, в его кн. «Возникновение и сохранение языковой сложности»). На стр. 67 диахронически описано морфонологическое вторичное расподобление левой сочетаемости суффиксов *-ица* и *-ичка* в болгарском языке, которое первоначально должно было быть идентичным, поскольку второй исторически содержит в себе первый; такое расподобление является одним из ключевых сюжетов изменения морфонологического инвентаря языка. На стр. 102 на материале словенских диминутивов разбирается, с опорой, в частности, на важные работы И. Б. Иткина по русской морфонологии, феномен, при котором высокочастотные модели «пренебрегают» общими правилами. Тем самым показывается, во-первых, что этот принцип типологически релевантен, во-вторых, насколько принципиален для

исследуемой проблемы корпусный подсчет частотности моделей и установление их продуктивности.

В работе проявляется такой нечастый в современной лингвистике сюжет, как прогностические элементы; исследовательница аппроксимирует дальнейшее развитие системы уменьшительных суффиксов и делает утверждения о наиболее вероятных изменениях (с. 79 о македонском: «вполне вероятно, что при дальнейшем языковом развитии суффикс *-ица* в качестве живого диминутивного суффикса будет утрачен и останется только (или в основном) в лексикализованных производных»; зеркально противоположный прогноз приведен на с. 103 о словенском: «вероятно, что со временем суффикс *-ka* окончательно уступит место суффиксу *-ica*, так как последний уже не будет нуждаться в “дополнении”, и исчезнет в своем диминутивном значении, сохранившись только в сильно лексикализованных производных»).

Диссертация отличается очень серьёзной проработкой существующей литературы как по семантике диминутивности (хотя семантика и не является прямым ее предметом), по морфонологии и морфемике, по структуре южнославянских языков. Список литературы насчитывает 130 названий, включая в том числе неопубликованные диссертации и публикации в редких специализированных изданиях.

Работа написана ясным и понятным языком, идеи сформулированы чётко, логично и последовательно, в ней нет бессодержательных фраз, а повторы информации оправданы структурой текста и логикой изложения (разве что на с. 56 избыточность текста о гипотетических вторичных диминутивах в болгарском кажется не столь обязательной).

Замечания к работе не носят принципиального характера и не ставят под сомнения ценности достигнутых М. Г. Тагабилевой результатов. На с. 17—20 в связи с графическим представлением семантики диминутивности Журавским надо упомянуть о понятиях «иерархии» и «семантической карты» (собственно, семантическая карта — это и есть сцепление одномерных иерархий в двухмерном пространстве), разработанных на базе, прежде всего, грамматической семантики.

На с. 23 в перечне критериев, исходя из которых определяется диминутивность, для большей ясности можно было бы заметить, что между этими критериями логическое «или»: два из них явным образом несовместимы.

Слово ^{2/}**комитетик* (маркировка диссертантки) (с. 41), хотя и отсутствует в словарях, довольно давно существует в русском языке, хотя и малочастотно (ср. НКРЯ и материалы поиска в Интернете).

На мой взгляд, необходимо эксплицитно оговорить, что в фокусе внимания исследовательницы находятся литературные языки (нашедшие отражения в исследованных корпусах), а не всё многообразие диминутивов говоров всей южнославянской территории (а диалектный материал, как упоминает исследовательница, проникает в словари и в специальные работы, иногда без оговорок).

На с. 39 слабая продуктивность диминутива на *-e* в сербохорватском объясняется так: «сербохорватский язык сохранил функционирующий вокатив на *-e*, который блокировал образование нового омонимичного диминутива». Но ведь как будто бы сохранил живой вокатив (на фоне утраты классического именного падежа) и болгарский язык.

На с. 36, 114 излагается следующая мысль: «южнославянские диминутивные суффиксы, “не прозрачные” по отношению к роду мотивирующей основы... по всей видимости... являются в каком-то смысле южнославянской инновацией — они не реконструируются на праславянском уровне и имеют более позднее происхождение». Однако ср. славянский суффикс *-[t]- neutrum* со значением ‘детеныш’, некоторая идиоматизация которого, кажется, имела место в весьма древний период (хотя, возможно, его в понимании данной работы нельзя считать безоговорочно диминутивным).

Не всегда последовательно употребляется термин для лексикализованного бывшего диминутива: в разных местах работы употребляются как *мертвый*, так и *застывший* (с. 59). На с. 61: почему у Бошковича «македонский не рассматривается отдельно от болгарского по естественным причинам»? Речь идёт о 1984 году, и Бошкович как будто не из Болгарии (где это действительно болезненный вопрос).

Непоследовательно переводятся цитаты: так, исследовательница переводит фрагменты из лингвистических работ с английского (с. 42) и французского (с. 49; вместо «скор» лучше было бы сказать «поспешен»), но немецкие цитаты в начале диссертации несколько раз не переведены. На с. 168 цитируются письма Елены Рёрих в переводе Росицы (NB) Бардарской, однако цитата полностью представляет собой известное евангельское место из Нагорной проповеди (Мф. 5: 18), и ее болгарский текст — это фрагмент уже существующего болгарского текста Библии, использованный переводчицей.

Есть некоторые мелкие недочеты оформления: ударения в русском метаязыке и в болгарских примерах в виде заглавных букв (а не комбинированного знака акута), неправильное отображение неразрывных дефисов перед записью морфем в виде коротких тире, возникающих из-за автозамены MS Word (или все же дефисов, но разрывных), иногда опечатки во вторых инициалах упоминаемых лиц («М. А. Макарецв», «В. А. Беликов» вместо М. М. и В. И.).

Очевидна незначительность и непринципиальность перечисленных замечаний по сравнению с большой научной ценностью работы. Исследовательница проделала громадную работу и пришла к убедительным выводам, без которых не смогут обойтись будущие исследователи морфонологии славянских языков, а также теоретики морфонологии, специалисты по деривации, в том числе и уменьшительности.

Работа не только удовлетворяет требованиям, выдвигаемым к кандидатским работам, но и существенно превосходит их. Текст автореферата соответствует диссертации. Основные положения диссертации отражены в установленном количестве публикаций. Диссертация соответствует пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей области знаний.

М. Г. Тагабилева, безусловно, заслуживает присвоения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Рекомендуются публикация исследования в виде монографии.

5 декабря 2016

Старший научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кандидат филологических наук  Д. В. Сичинава

Сведения о составителе отзыва:

Дмитрий Владимирович Сичинава

Почтовый адрес: 105077, Москва, Измайловский бульвар, д. 67, корпус 1, квартира 61

Электронный адрес: mitrius@gmail.com

Телефон: +79166421834

Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Почтовый адрес: 119019, Москва, улица Волхонка, 18/2

Электронный адрес: ruslang@ruslang.ru

Сайт организации: <http://www.ruslang.ru>

Ученая степень: Кандидат филологических наук

Должность: Старший научный сотрудник

3 статьи, близкие теме диссертации, с выходными данными:

1. Closing suffix patterns in Russian // Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin: De Gruyter 2015, 972–983
2. В. Hansen, J. Grković-Major (eds.). Diachronic Slavonic syntax: Gradual changes in focus. Munchen etc.: Sagner, 2010. 208 p. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 74.) // Вопросы языкознания, № 6, 2012, 150—154
3. Parallel corpora within the Russian National corpus // Prace filologiczne, LXIII, 2012, 271—278

